

Н. Д. ИВАНИШЕВ (1811 – 1874 ГГ.) И ЕГО РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОГО ПРАВА

Л. П. Лаптева

Один из первых русских славистов Николай Дмитриевич Иванишев занимает определенное место в истории русской науки, но до сих пор в советской историографии никак не характеризуется. Настоящая статья ставит своей целью дать оценку Н.Д. Иванишеву – слависту с позиций марксистско-ленинской методологии.

Н.Д. Иванишев родился 5 ноября 1811 г. в Черниговской губернии, в дворянской семье, многие члены которой (в том числе и отец и дед будущего ученого) были священниками, ввиду чего биографы нередко говорят о "шляхетско-духовном" происхождении Н.Д. Иванишева. Окончив духовное училище и семинарию в Киеве, он завершил свое образование в Главном Педагогическом институте в Петербурге, куда был послан в 1829 году как один из лучших учеников Киевской духовной семинарии, и где получил диплом об окончании историко-филологического факультета в 1835 году. В институте он изучал, между прочим, славянские юридические древности, что в значительной мере повлияло на его дальнейшую деятельность.¹⁾ По окончании института начинающий ученый был направлен за границу для приготовления к профессорскому званию. Он занимался в Берлине, затем в Праге – под руководством прежде всего В. Ганки, но также П.Й. Шафарика и Ф. Палацкого,²⁾ а заключительную часть своей командировки провел снова в Германии. Эти годы жизни Н.Д. Иванишева в литературе описаны мало. Есть смысл рассмотреть их подробнее, т.к. именно благодаря пребыванию Н.Д. Иванишева за границей можно относить его к числу славистов.

1) Основные данные биографии Н.Д. Иванишева имеются в следующих работах: А.В. Романович – Славатинский, Жизнь и деятельность Н.Д. Иванишева, ректора университета св. Владимира и вице-председателя Киевской Археологической Комиссии, СПб, 1876; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета св. Владимира, Киев 1884, с. 207-224 (в дальнейшем БСУВ); Русский биографический словарь, т. 7, СПб, 1897, с. 4-5 (в дальнейшем РСБ); Императорское Московское Археологическое общество в первое 50-летие его существования (1864-1914), т. 2, М., 1915, с. 131-133 (в дальнейшем ИМАО).

2) Подробности пребывания Н.Д. Иванишева в Праге см.: В.А. Францев, Очерки по истории чешского возрождения, Варшава 1902, с. 237-243 (в дальнейшем В. Францев, Очерки).

Посланец Петербургского Педагогического института прибыл в Прагу в сентябре 1837 года.³⁾ Здесь он интенсивно изучал славянские языки и разыскивал в архивах памятники славянского права, работая с большим увлечением. В. Ганка свидетельствует, что Н.Д. Иванишев "научился всем славянским языкам и изучил древние памятники славянского законодательства".⁴⁾ Рекомендуя Н.Д. Иванишева известному русскому государственному деятелю М.М. Сперанскому (1772-1839 гг.), В. Ганка выразил надежду, что его "ученик и сотрудник ... занимаясь с любовью и прилежно древними славянскими законодательствами, будет в состоянии прояснить доселе темную сторону в древних юридических памятниках России, именно - элемент славянский".⁵⁾ Министра народного просвещения России С.С. Уварова В. Ганка просил продлить срок пребывания Н.Д. Иванишеву в Праге, поскольку нашел в последнем "весьма способного и трудолюбивого сотрудника".⁶⁾

В свою очередь, Н.Д. Иванишев стремился помочь В. Ганке. 6 ноября 1838 г. он представил С.С. Уварову донесение со сведениями о жизни своего "ученого наставника". Подчеркивая заслуги В. Ганки в приобретении Чешским музеем редких книг и рукописей гуманитарного направления, его обширную литературную и издательскую деятельность и многостороннюю помощь русским гостям Праги, Н.Д. Иванишев упоминал одновременно о материальных трудностях, с которыми В. Ганка принужден был бороться. "Нужда заставляет иногда господина Ганку, - писал Н.Д. Иванишев, - заниматься переводом деловых бумаг, которые поступают в судебные места города Праги на польском и русском языках ... В последнее время он с большими пожертвованиями собрал древнейшие памятники славянских законодательств, ходил часто пешком по рассеянным в разных местах Богемии библиотекам, ... приготовил к изданию хронику Далемиды, Краткую славянскую грамматику, начал составлять чешско-русский и русско-чешский словарь и обдумывает сравнительную грамматику славянских наречий ... Каждый день г. Ганка посвящал для меня несколько часов, сообщая мне свои обширные сведения в славянских законодательствах, и палеографии, посещал со мною библиотеки и архивы, кланялся австрийским вельможам, чтоб только достать для меня какую-нибудь редкую рукопись, и за все это он не брал никакой платы, уверая, что славяне гостей своих угощают даром."⁷⁾

3) В. Францев, Очерки, с. 234.

4) Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель, издал В.А. Францев, Варшава, 1905. с. 255 (в дальнейшем Письма к Ганке).

5) Письма к Ганке, с. 944-945.

6) Письма к Ганке, с. 1131.

7) "Донесение Н.Д. Иванишева Его Высочайшему Превосходительству Господину Министру Народного Просвещения Сергею Семеновичу Уварову", Опубликовано в кн.: В. Францев, Очерки (Приложения, с. XXV-XXVI).

Живя в Праге, Н.Д. Иванишев, несомненно, очень сблизился с В. Ганкой⁸⁾ и даже выполнял при нем своеобразные секретарские обязанности: многие черновики писем чешского деятеля в Россию написаны рукой его русского ученика.

В Роудницком архиве Н.Д. Иванишев обнаружил десяток славянских юридических рукописей и собирался написать о них подробный отчет,⁹⁾ но, видимо, так и не выполнил этого намерения.

В Чехии Н.Д. Иванишев пробыл менее года. 20 июня 1838 г. он писал В. Ганке уже из Берлина, сообщая, что в "Кодексе Статута Литовского нашел небольшое Уложение о судоустройстве, получившее законную силу 1581 года", а также другой кодекс - с актами суда ХУП в., которые могут послужить "к объяснению Статута Литовского".¹⁰⁾

Письма к В. Ганке свидетельствуют и о мировоззрении Н.Д. Иванишева. Весьма характерна заключительная фраза одной корреспонденции из Берлина:¹¹⁾ "После пражских ученых немецкие профессора кажутся мне отвратительными." Это заявление отнюдь не случайно. Н.Д. Иванишев с самых ранних лет был убежден в том, что славянские народы объединены общими чертами характера, отличающими их от прочих "племен". Отсюда и отношение ученого к профессорам - немцам. Понятно, что и в Литовском Статуте он увидел "довольно значительные заимствования из права чешского".¹²⁾ По существу же он принимал за заимствования элементы, свойственные правовым нормам самых различных народов.

7 августа 1838 года Н.Д. Иванишев писал В. Ганке из Вольфенбюттеля, где он не обнаружил памятников славянского права, но заинтересовался рядом других материалов.¹³⁾ В. Ганка опубликовал это письмо в чешском переводе.

Единственное сохранившееся письмо Н.Д. Иванишеву от П.Й. Шафарика (от 27.8.1838 г.) свидетельствует о том, что по просьбе чешского будителя молодой русский ученый искал в берлинских архивах старопольские латинские тексты, но обнаружить их не смог.¹⁵⁾

Возвратившись из-за границы в конце 1838 г., Н.Д. Иванишев был определен на должность адъюкта в Киевский университет св. Владими-

8) Впоследствии Н.Д. Иванишев писал В. Ганке: "Если Вы меня так же будете любить всегда, как любили в Праге, то из этого может выйти что-нибудь хорошее." - Письма к Ганке, с. 393 (письмо от 20.6.1838 г.).

9) Письма к Ганке, с. 392 - недатированное письмо из Роуднице.

10) Письма к Ганке, с. 393-394 - письмо от 20.6.1838 г.

11) Письма к Ганке, с. 394. Письмо без даты. Судя по его содержанию, а также предшествующему и последующему письмам, оно отправлено между 20.6. и 11.7.1838 г.

12) Письма к Ганке, с. 395 - письмо от 11.7.1838 г.

13) Письма к Ганке, с. 397-398.

14) ССМ, 1838, XII, str. 416-417.

15) Текст письма см. в публикации В.А. Францева, Correspondence P.J. Šafaříka, d. I, č. 1, Praha, 1927, str. 291-292 (на немецком языке).

ра.¹⁶⁾ Но до начала работы в Киеве он еще некоторое время пробыл в Петербурге, где, как писал В. Ганка, "встретил людей, которые весьма интересуются славянизмом и славистами". Среди этих лиц Н.Д. Иванюшев особенно выделял уже упомянутого М.И. Сперанского, которого застал на склоне дней. Русский сановник в беседе с Н.Д. Иванюшевым спрашивал о сочинениях Й. Юнгманна и особенно П.И. Шафарика, сетовал на плохой перевод "Славянских древностей" П.И. Шафарика О.М. Водяным, собирався оказать чешским будителям материальную помощь для издания новых трудов, но вскоре тяжело заболел и умер.¹⁷⁾

Конец 1838 года ознаменовался волнениями в Киевском университете, в частности - выступлениями профессоров и студентов польского происхождения против дискриминации со стороны русских властей. В результате ряд профессоров были уволены. С 9 января по 5 сентября 1839 г. университет вообще не работал, а администрация была поставлена перед необходимостью как-то заместить образовавшиеся вакансии. На одно из свободных мест спешно готовили Н.Д. Иванюшева. Кафедры славянского права в Киевском университете не существовало. Курс, который предстояло читать Н.Д. Иванюшеву, вообще никак не был связан со славянством. Через год после прибытия в Киев Н.Д. Иванюшев констатировал, что за время пребывания в России (после приезда из-за границы) не мог делать "ничего другого кроме непрерывного чтения огромного нашего (т.е. российского - Л.Л.) законодательства", а "все рукописи и книги славянские лежат пока в стороне". Впрочем ученый надеялся, что "по прошествии короткого времени" славянские материалы опять станут предметом его "ревностных занятий".¹⁸⁾ Как показали дальнейшие события, этим надеждам не суждено было сбыться.

22 июня 1839 г. Н.Д. Иванюшев выдержал "испытание на степень доктора российского законовещения", обеспечившее ему право защиты докторской диссертации, а 5 сентября приступил к преподаванию. Его диссертация - "О плате за убийство в древнерусском и других славянских законодательствах по сравнению с германскою вирою" - явилась, несомненно, результатом архивных изысканий за границей и не была связана с предметом его преподавания в Киеве. 7 марта, всего за два с половиной месяца до докторского диспута, Н.Д. Иванюшев писал, что "получив кафедру государственной экономики в Киевском университете . . . , должен был поневоле углубиться в совершенно незнакомый предмет, чтоб

16) ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 69, ед. хр. 394, лл. 6-9 - письмо Министра народного просвещения попечителя Киевского учебного округа от 17.11.1838 г. о назначении Н.Д. Иванюшева на должность адъюнкта.

17) Письма к Ганке, с. 400-401. Цитированное письмо не датировано; судя по содержанию, относится к февралю или марту 1840 г.

18) Письма к Ганке, с. 400. Письмо без даты, видимо, конца 1839 г.

сколько-нибудь быть порядочным преподавателем", а это, в свою очередь, заставило его "совершенно прекратить занятия по части славянских законодательств", так что "все рукописи и переводы богемских законов лежат запылленные, неприкосновенно".¹⁹⁾ Между прочим, Н.Д. Иванишев очень сомневался в том, что русскую публику заинтересует славянское право: "Из ста тысяч, - писал он, - нашелся бы разве один, который с любопытством взглянул бы на книгу (о чешских юридических древностях - Л.Л.), а прочим нет никакой нужды, существуют ли на свете богемские законы, или нет." В связи с этим Н.Д. Иванишев решил прежде всего обратиться к "древностям русского права", но надеялся на их материале "ясно показать единство славянских законодательств в древнейшие времена, их внутреннюю связь и необходимость изучать все для объяснения одного из них". Эти слова - еще одно свидетельство уверенности Н.Д. Иванишева в тесной связи юридических норм у различных славянских народов. Понятно, что, будучи учеником В. Ганки, Н.Д. Иванишев не только пропагандировал в всяких работах упомянутый тезис, но и в других вопросах проявлял себя как "славянский патриот" в тогдашнем понимании этого выражения. Так, он отвергал всякие сомнения в подлинности РКЗ и "хохотал" над попытками оценивать В. Копитара, подозревавшего РКЗ, выше чем П.Й. Шафарика, защищавшего их подлинность.²⁰⁾

Переписка Н.Д. Иванишева с В. Ганкой, в которой затрагиваются такие вопросы как отсутствие интереса в России к славянскому законодательству, как непрерываемая уверенность в подлинности РКЗ и т.п., свидетельствуют о зачаточном состоянии изучения истории славянского права и славянских народов вообще.

Докторскую диссертацию Н.Д. Иванишев защитил 30 мая, а в степени доктора был утвержден 24 сентября 1840 года.²¹⁾ Через два месяца ученый был уже экстраординарным,²²⁾ а через два года - ординарным профессором.²³⁾

15 июля 1841 г. Н.Д. Иванишев стал виновником любопытного инцидента. На торжественном акте в университете св. Владимира он должен был произнести речь на научную тему. Практика подобных выступлений членов профессорской коллегии была обычной, к слушанию допускались все желающие. Юридический факультет, к которому принадлежал Н.Д. Иванишев,

19) Письма к Ганке, с. 401.

20) Письма к Ганке, с. 401.

21) ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 70, д. 1078, лл. 9-24 - формулярный список о службе Н.Д. Иванишева от 4 марта 1862 года.

22) Утвержден 25.11.1840 г., см.: ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 70, д. 1022, лл. 111-127 - формулярный список от 27.11.1861 г.

23) Утвержден 17.11.1842 г., см.: ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 70, д. 1022, лл. 111-127 - указанный формулярный список.

рассмотрел, а университетский совет утвердил текст его речи на тему "Об идее личности в древнем праве богемском и скандинавском". Во время выступления Н.Д. Иванешева сначала все шло по заведенному порядку, но когда в речи прозвучали слова о конкубинате и умерщвлении младенцев родителями, присутствовавший на акте митрополит Киевский и Галицкий Филарет громогласно заявил, что речь "неприлична", и он не желает ее слушать "после принесения благословенной жертвы", то есть приобщения святых тайн. Ректор К. Неволин прервал оратора и приказал петь "Боже, царя храни". Началось "расследование". Ректор выслал попечителю учебного округа текст речи с сопроводительной запиской, где выражал убеждение, что "в собрании ученого сословия ... она (речь - Л. Л.) могла быть читаема не только без нарушения каких-нибудь правил приличия, но и к удовольствию слушателей". "Зная, что в церквах наших как перед св. причащением так и после оного произносятся проповеди, в которых изображаются самые разные пороки, - продолжал ректор, - я доселе никогда не предполагал, чтобы в присутствии духовных особ на акте университетском было неприлично читать изложенное языком человека ученого описание нравов и общественных установлений народа простого и необразованного. Еще менее я думал доселе, что это описание было неприлично читать вношеству, которое уже прежде вступления в университет, по случаю изучения всеобщей истории и классической словесности, знакомится с нравами и обычаями народов."

"Дело" поступило в Министерство народного просвещения, начальник канцелярии которого кратко резюмировал содержание речи и заметил, что в ней не наблюдается никаких признаков "неблагоденности". Министр народного просвещения в своем представлении царю согласился с этим мнением, добавив однако, что для речи все же "надлежало бы избрать предмет более общий, более отечественный и религиозный, а потому более доступный для большинства слушателей". В результате царь, как писал ректору чиновник царской канцелярии, "высочайше повелеть изволил поставить Вам (ректору - Л.Л.) на вид, что Вы ... были обязаны отстранить все неприличное, прежде чем допустить до подобного неприятного случая". Хотя митрополит и сам впоследствии сожалел о своем вмешательстве в ход университетского акта, ректор так и остался в глазах высшего начальства недостаточно осмотрительным администратором. Текст речи Н.Д. Иванешева было решено все же напечатать, "дабы, с одной стороны, прекратить в публике толки о прямом ее содержании, а, с другой, предупредить напечатание ее в иностранных журналах, где она, вероятно, появится в искаженном виде".²⁴⁾ Текст речи действительно был опубликован, но с некоторыми сокращениями.

24) Вся переписка по делу о речи Н.Д. Иванешева см.: ЦГИАЛ, ф. 735, оп. 2, ед. хр. 248, лл. 1, 2, 4 - 20, 22 об, 24, 26, 29, 31-33, 35.

Этот эпизод живо иллюстрирует атмосферу в учебном ведомстве России начала 40-х годов XIX в. Полицейский режим николаевской эпохи проникал во все сферы жизни и особенно ощущался в Киевском университете с его значительной польской прослойкой, вызывавшей усиленное наблюдение за ним со стороны правительства. Ханжески-бюрократическое отношение ко всему строю университетской жизни в корне пресекало всякое, даже мнимое "свободомыслие". Что же касается Н.Д. Иванишева, то его "благонамеренность" была официально засвидетельствована начальством.

С 1843 г. Н.Д. Иванишев - активный сотрудник Комиссии для разбора древних актов, известной также как Киевская Археографическая комиссия. Ее занятия состояли в сборе, обработке и хранении письменных памятников, их публикации, а также коллекционировании предметов материальной культуры. Н.Д. Иванишев организовывал поездки для сбора древних актов, контакты с различными архивами, сам обследовал хранилища монастырей, и церквей Киева, Подолии, Волыни, участвовал в раскопках, изыскивал оптимальные способы хранения памятников. Следует однако подчеркнуть, что киевский генерал-губернатор Д.Г. Вибиков, по инициативе которого была организована комиссия, рассматривал ее как орган правительственной администрации, разрабатывающий важные в политическом отношении вопросы истории Югозападной России, подводящий идеологический фундамент под русификацию края.²⁵⁾ Активность Н.Д. Иванишева как члена этой комиссии объясняется прежде всего его охранительными, антипольскими взглядами.

В 1852 г., продолжая работу по организации хранения письменных памятников, Н.Д. Иванишев стал основателем Центрального Архива при университете св. Владимира, где численность единиц хранения вскоре достигла трех миллионов.

С 11 декабря 1849 г. по 17 июня 1861 г. Н.Д. Иванишев - декан юридического факультета,²⁶⁾ с марта 1862 по февраль 1865 г. - ректор университета в Киеве.²⁷⁾ В ноябре 1863 г. Н.Д. Иванишев был избран и в феврале 1864 г. утвержден заслуженным ординарным профессором.²⁸⁾ В начале 1865 г. он расстался с университетом ввиду перехода на службу в Варшаву для разработки новых юридических положений о Царстве Польском.²⁹⁾ Здесь он проработал до июля 1866 г.³⁰⁾ Не сойдясь во

25) Подробнее см. ВСУВ, с. 218-219.

26) См. упомянутые формулярные списки 1861 и 1862 гг.

27) ВСУВ, с. 217.

28) ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 120, ед. хр. 228, лл. 4-21 - формулярный список от 26.12.1864 г.

29) ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 120, ед. хр. 228, лл. 24, 26, 27, 30 - переписка о назначении Н.Д. Иванишева на службу в Царство Польское.

30) Об этом периоде его деятельности см.: А.В. Романович-Славатинский, Ук. соч., с. 268-290.

ваглядах с руководившим преобразованиями Н.А. Милютиним, придерживаясь консервативных взглядов, ставших несвоевременными в обстановке 60-х годов, Н.Д. Иванюшев подал в отставку и был уволен.³¹⁾ Некоторое время он пробыл в Германии и Франции, затем вернулся в Киев. 28 октября 1868 г. Киевский университет избрал его своим почетным членом. Проведя последние годы жизни в затворничестве, Н.Д. Иванюшев умер 14 октября 1874 года.

Вопрос о мировоззрении Н.Д. Иванюшева особенно важен для марксистской оценки этого ученого. Прежде всего обращает на себя внимание его отношение к буржуазно-демократическим институтам. В лекциях киевский профессор без обиняков заявлял, что "республиканское правление - самое бестолковое". Даже отдельные проявления либерализма казались ему нетерпимыми. Ему крайне не нравился введенный в действие в 1863 г. Устав российских университетов, прокламировавший некоторую академическую автономность этих учебных заведений.³²⁾ Чтобы в полной мере оценить отношение Н.Д. Иванюшева к Уставу 1863 г., следует отметить, что в русских академических кругах с начала 60-х годов шла острая борьба за проведение реформы университетов. В зависимости от отношения к этой реформе русская интеллигенция разделилась на радикально-либеральное и консервативно-реакционное крыло. Еще до введения устава, в знак протеста против произвола властей в университетах, ряд прогрессивных профессоров и магистров вышли в отставку. Также и после введения устава стремление правительства систематически нарушать записанные в нем положения привело в ряде случаев к открытым столкновениям прогрессивной профессуры с министерством народного просвещения.³³⁾ Отношение Н.Д. Иванюшева к уставу 1863 года означает, что он был сторонником консервативно-реакционной партии.

В закономерности развития человеческого общества ученый не верил. Особенно заметно это по его отношению к первым попыткам крупнейших буржуазных экономистов сформулировать законы развития капиталистического хозяйства. Так, экономическая теория Ад. Смита вызывала у киевского профессора лишь иронические замечания.³⁴⁾ Характерна для Н.Д. Иванюшева негативная оценка либеральных и революционных демократов середины XIX в. По свидетельству одного из биографов, киевский профессор "отрицательно относился к Т.Н. Грановскому, не сочувствовал

31) ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 120, ед. хр. 228, лл. 49-68 - формулярный список 1866 г.

32) Ф. Л о б о д а, Из воспоминаний о Н.Д. Иванюшеве. - Киевская старина, 1887, № 12, с. 790-792.

33) Подробнее см.: Р.Г. Э й м о н т о в а, Университетская реформа 1863 года. - Исторические записки, 1961, т. 70; Г.И. Щ е т н и н а, Университеты в России и устав 1864 года, М. 1976, с. 54 и др.

34) А.В. Р о м а н о в и ч - С л а в а т и н с к и й, Ук. соч., с. 113; ВСУВ, с. 214.

страстным статьям В.Г. Белинского, не давал себе труда вникнуть в смысл пропаганды автора "Записок доктора Крупова" (т.е. А.И. Герцена - Л.Л.), едва ли ясно постигал значение сатиры Гоголя, который только потешал его как забавный рассказчик, еще меньше вдумывался в повести Тургенева и во всю мыслящую беллетристику того времени".³⁵⁾

Современники свидетельствуют также и о том, что Н.Д. Иванишев "деканствовал по секретной инструкции, данной свыше, и фактически осуществлял деканскую полицию над преподаванием профессоров".³⁶⁾ Правда, осуществлять полицейские функции декану предписывал университетский устав 1835 г. Характерно однако, что именно Н.Д. Иванишев неоднократно избирался и утверждался деканом юридического факультета и, следовательно, вполне устраивал начальство. По этой же причине он был утвержден ректором.

Ректорство Н.Д. Иванишева совпало по времени не только с введением устава 1863 г., но и с таким важным событием как польское восстание 1863-64 гг. Разумеется, действия ректора определялись и в этих условиях его охранительным мировоззрением. Инициатор "всеподданейшего адреса", которым университет заверял царя к верности престолу, Н.Д. Иванишев в духе этого документа направлял всю жизнь своего учебного заведения.

Для характеристики Н.Д. Иванишева как человека и администратора, для оценки его отношения к польскому восстанию и польскому народу весьма показателен следующий эпизод. В первые дни восстания к Иванишеву - ректору пришла депутация студентов-поляков с петицией об открытии в университете кафедр польского языка, польской истории и польского права. Депутаты мотивировали свою просьбу тем, что Киевский университет расположен на старых польских землях и потому должен считаться польским. Н.Д. Иванишев отвечал в свойственном ему язвительном тоне, что если господам депутатам удастся восстановить Польшу в рамках прежних эпох, и если далее дело дойдет до выборов короля, то господа депутаты, как он надеется, составят ему, Иванишеву, протекцию при этих выборах.³⁷⁾ Саму просьбу ректор просто игнорировал.

Вполне естественно, что с киевским генерал-губернатором, будущим российским министром внутренних дел Д.Г. Вибиковым профессор "жил душа в душу".³⁸⁾ Они были единомышленниками во взглядах на внутренние порядки, на политику в отношении поляков и Польши, на "вредность" университетской автономии.

35) А.В. Романович - Славатинский Я, Ук. соч., с. 117.

36) ВСУВ, с. 215.

37) Ф. Лобода, Ук. соч., с. 768-794.

38) А.В. Романович - Славатинский Я, Ук. соч., с. 119.

Подход Н.Д. Иванешева к польскому вопросу определялся еще в годы учения, которые проходили в период становления славянофильской и панславистской идеологии, во время кровавого подавления польского восстания 1830-31 гг. русским царизмом. С развитием идеи "славянского единства" в обществе поднимается вопрос о том, какой из славянских народов должен возглавить все "племя". Кандидатов на эту руководящую роль, по мнению сторонников доктрины славянской взаимности, было лишь два - русский и польский народы, ибо только они имели и веками сохраняли собственную государственность. Когда Н.Д. Иванешев изучал историю славян, то в нем, как писал один из современников, "развилося и укрепилось верование в великую историческую миссию России среди сродных ей разрозненных и безгосударственных славянских племен", а в последующие годы ученый окончательно уверился в необходимости поддерживать тезис о руководящей роли русского народа в будущем славянском объединении, т.к. пришел к убеждению в "неспособности польского племени стоять во главе славянства и руководить его судьбами".³⁹⁾

По существу этот тезис и стал лейтмотивом творчества Н.Д. Иванешева. Разыскивая и издавая документы по истории Югозападной России, он подходил к подбору публикуемых материалов с явным пристрастием, стремясь доказать, что все беды населения земель, входивших ранее в состав Польши, проистекали от польского господства. Тенденциозный подход к отбору архивных документов вызвал критику как в польской так и в русской печати. Против Н.Д. Иванешева выступила газета "Виленский Вестник". Критики упрекали Киевскую Археографическую комиссию, где Н.Д. Иванешев фактически играл главную роль, в том, что она "дает публике выборки из актов, удовлетворяющие не столько требованиям истории, сколько личным предубеждениям членов комиссии".⁴⁰⁾ Польских публицистов поддержала либеральная русская печать. В рецензии на второй том "Архива Юго-Западной России" указывалось, что редактор этой книги, т.е. Н.Д. Иванешев, "старается выставить как можно более разных черных черт политического и общественного быта Западной и Южной Руси" и "все это приписать единственно соединению с Польшей". Рецензент резонно упрекал издателей в том, что они не уделяют никакого внимания документам о состоянии Югозападной России до присоединения к Польше, между тем как тезис о "вредности" польского правления можно было бы доказать только на основе сравнения различных режимов. Справедливым представляется и другой упрек рецензента издателям: от-

39) А.В. Романович - Славатинский Я, Ук. соч., с. 194.

40) Подробные выдержки из соответствующих статей см. в кн.: А.В. Романович - Славатинский Я, Ук. соч., с. 253-255.

бор документов ни в малейшей мере не учитывал отдельных положительных факторов, связанных с польским правлением.⁴¹⁾

Н.Д. Иванишев печатно отвечал на эти упреки,⁴²⁾ но не убедил своих критиков. В 1863 г. вышел XII том польской Encyklopedia prawzeczna со статьей об Иванишове, где последний характеризуется как фальсификатор, занимающий в ученой иерархии слишком высокое место, не соответствующее ученым заслугам.

Такая аттестация представляется, хотя и не вполне справедливой, но все же не лишенной известных оснований. Впрочем вовсе отрицать положительное значение издательской деятельности Н.Д. Иванишева нельзя.

Как профессора современники характеризовали Н.Д. Иванишева по-разному. Читая курсы лекций "Законом государственного благоустройства", "Общеправоведение", "Полицейское право", он обычно не проявлял особой увлеченности, не стремился пробудить интерес слушателей, преподносил материал "монотонно, по тетрадке", оживляясь лишь в тех случаях, когда приходилось критиковать социалистические теории.⁴³⁾

Есть впрочем и другие суждения. Некоторые биографы подчеркивали, что Н.Д. Иванишев читал лекции по предметам, ранее не преподававшимся, что его курс был "очень толковый и положительный". Но и эти позитивные оценки сочетались с критикой. Указывалось, что "в курсе отсутствовал сравнительный метод, не было параллелей и сравнений русского законодательства по государственному благоустройству с законодательством западно-европейских народов".⁴⁴⁾ Это замечание отражает действительное положение вещей. Будучи сторонником рассмотрения в сравнительном плане главным образом славянских законодательств в их прошлом, Н.Д. Иванишев не сопоставлял законы различных государств современности. Впрочем, если бы он и стремился проводить параллели между юридическими нормами России и стран Западной Европы, то в обстановке николаевского режима вряд ли добился бы разрешения на это.

Как неоднократно подчеркивали современники,⁴⁵⁾ Н.Д. Иванишев был больше историком, чем правоведом, что отражалось и в преподавании. Не подлежит сомнению, что вообще своим главным делом и призванием Н.Д. Иванишев считал не преподавательскую, а научную и издательскую дея-

41) Современник, 1861, № 4, с. 439-448. Отметим к стати, что рецензия написана определенно не Н.И. Костомаровым, которому приписывает авторство книга "История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография" (М. 1965, с. 443). В рецензии Н.И. Костомаров упоминается как третье лицо, с которым автор не во всем согласен.

42) См. брошюру: Ответ Киевской комиссии для разбора древних актов на обвинения некоторых газет и журналов по поводу выхода в свет второй части Архива Его-Западной России, Киев 1861.

43) ВСУВ, с. 214.

44) ВСУВ, с. 212-214.

45) А.В. Романович - Славатинский, Ук. соч., с. 111, 260-263; ВСУВ, с. 213, 214, 241; РВС, с. 159.

тельность. Труды Н.Д. Иванисева обычно делят на две серии: история славянских законодательств и история Югозападной России. Наряду с этим есть отдельные сочинения, не входящие ни в одну из названных серий.

Работы по истории славянских законодательств будут рассмотрены в заключительном разделе настоящей статьи. Начать же анализ творчества ученого целесообразно с прочих сочинений.

К лучшим из них следует отнести монографию и сборник документов о русском политическом деятеле XVI в. Андрее Курбском.⁴⁶⁾ Чтобы собрать материал о знаменитом современнике и противнике царя Ивана IV Грозного, автор обследовал 117 актовых книг и 39 полуистлевших сводов уряда Кременецкого, объехал все волости, в которых когда-то находились имения Курбского, словом проделал чрезвычайно кропотливую и трудоемкую работу. В состав книги вошел текст рукописи о князе Курбском, обнаруженный Н.Д. Иванисевым в Вольфенбюттеле. Все документы XVI в. переведены автором книги на русский язык, снабжены подробными примечаниями и предисловием, в котором весьма живо описана деятельность Курбского и его сторонников.

Изданию памятников Югозападной России Н.Д. Иванисев придавал исключительное значение, считая эту работу более важной, чем написание собственных сочинений. Биограф передает следующие его слова: "Вот вам Гизо, великий историк. А что станет с его взглядами через 20-30 лет? А мои издания будут иметь вечное значение для истории науки."⁴⁷⁾

Понятно, что при таком взгляде на задачи историка Н.Д. Иванисев написал лишь небольшое количество собственных сочинений, и эти последние в значительной мере основаны на собранных и изданных им самим источниках. Таковы статьи "О древних сельских общинах Юго-Западной России"⁴⁸⁾ и "Об унии".⁴⁹⁾ Н.Д. Иванисев рецензировал также сочинения, представленные к академическим премиям.⁵⁰⁾ Все работы ученого изданы отдельным томом после его смерти.⁵¹⁾ Несомненно, творческой деятельности Н.Д. Иванисева как исследователя в значительной мере препятствовали его многочисленные административные и общественные функции. Тем не менее, киевский профессор пользовался определенным авторитетом в научных кругах. Он был членом Королевского общества Северных Антиквариев в Копенгагене (с 1845 года),⁵²⁾ Русского Геогра-

46) Н.Д. Иванисев, Жизнь князя Курбского в Литве и на Волыни, Киев 1849.

47) А.В. Романович - Славатинский И, Ук. соч., с. 239.

48) Русская Беседа, 1857, № 3 с отдельным изданием - Киев 1863.

49) Русская Беседа, 1858, № 3.

50) А.В. Романович - Славатинский И, Ук. соч., с. 265.

51) Сочинения Н.Д. Иванисева, издание иждивением Университета св. Владимира, под ред. проф. А.В. Романовича-Славатинского и библиотекаря Н.А. Царевского, Киев 1876.

52) А.В. Романович - Славатинский И, Ук. соч., с. 264.

фического общества (с 1852 года),⁵³⁾ Виленской Археографической комиссии (с 1858 года),⁵⁴⁾ Московского Археологического общества (с 1863 года).⁵⁵⁾

В заключение остановимся более подробно на сочинениях Н.Д. Иванисева по славянскому праву. Выше уже говорилось о докторской диссертации ученого - "О плате за убийство в древнерусском и других славянских законодательствах по сравнению с германской вирой". Текст ее вышел отдельным изданием⁵⁶⁾ и перепечатан в томе сочинений 1876 года.⁵⁷⁾ В диссертации три главы: 1. Вира в германских законодательствах, 2. Плата за голову у славян (в богемском и моравском законодательствах, у сербов, в польском и литовско-русском праве), 3. Вира и плата за голову в древнем русском праве в сравнении с германской вирой и платой за убийство у славян. В методико-теоретическом плане основная мысль диссертации такова: русскому правоведу необходимо изучать славянские законодательства, поскольку "между законодательствами у разных славян есть тесная внутренняя связь", обусловленная одноплеменностью. "Когда племя делится на народы, - пишет Н.Д. Иванисев, - то несмотря на отдельную историческую судьбу каждого из них мысль ... удерживает общий характер племени, если только влияние иноплеменных народов не подавит ее. Поэтому законодательство каждого в отдельности народа, как выражения народной мысли, может быть понято только тогда, когда мы будем рассматривать его в связи с законодательствами других одноплеменных народов."⁵⁸⁾ Разумеется, тезис о том, что правовые нормы определяются лишь "мыслью" и, следовательно, не зависят от материальных причин, насквозь идеалистичен. Но это вполне соответствовало уровню развития истории права в первой половине XIX века.

Главной задачей Н.Д. Иванисева было решить вопрос о том, какие начала - славянские или германские - преобладают в русском законодательстве. Выводы диссертации сводятся к тому, что плата за убийство в богемском, моравском, сербском, польском и русско-литовском праве идентичны древне-русскому головщине и противоположны германской виро. Иного заключения от Н.Д. Иванисева нельзя было и ожидать.

Разрабатывая материал для сравнения законодательств различных славянских народов, Н.Д. Иванисев опубликовал отдельную статью по истории чешского права - комментированный перевод отрывка чешской рукопи-

53) ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 70, д. 1078, лл. 9-24 - формулярный список от 4 марта 1862 г.

54) ЦГИАЛ, ф. 733, тот же формулярный список.

55) ИМАО, т. 2, 1915, с. 133.

56) Киев 1840 (110 страниц малого формата).

57) С. 5-85.

58) Сочинения Н.Д. Иванисева, с. 5.

си "Ряд земского права", обнаруженной в пражских архивах.⁵⁹⁾ Здесь выражена мысль, что чешское законодательство более чем другие сохранило исконные черты "общеславянского" права. Доказывая этот тезис, автор опирается на фальсификат, а именно на РЗ с ее знаменитой фразой "Позорно нам искать права у немцев".⁶⁰⁾

Работа Н.Д. Иваннишева "Рассуждение об идее личности в древнем праве богемском и скандинавском"⁶¹⁾ является звеном в цепи сравнений законодательств различных "племен". Подобно тому, как чешское право, с точки зрения ученого, наиболее полно отражает право славянское, скандинавское законодательство является "выражением беспримесно германской мысли".⁶²⁾ И в этой работе автор опирается на РЗ, а кроме того и на РК. Используются впрочем и подлинные источники: хроника Козьмы Пражского, сочинения Викторина Корнелия из Вшегрд, книга Товачовска. За основу рассуждений об идее личности принимаются данные о положении женщины и об отношениях между детьми и родителями в системе юридического быта отдельных народов. Автор приходит к выводу о "превосходстве" богемского права над скандинавским и, следовательно, славянского над германским.

Эта статья представляет собой текст той самой актовой речи, которая вызвала столь бурную реакцию. Работа была замечена в Чехии и опубликована на чешском языке с откликом А. Штробах (Strohbach).⁶³⁾

Уже в XIX в. было отмечено, что утверждение Н.Д. Иваннишева об особой чистоте чешского и скандинавского права основано "более на доброй вере, на увлечении, чем на действительном изучении".⁶⁴⁾ Киевского ученого вполне справедливо упрекали в том, что он специально размыкал "резкие отличия и даже противоположности" между правом славян и германцев, причем "обнаруженные" им "блистательные" черты славянских законодательств найдены способом, не выдерживающим критики.⁶⁵⁾ Самое же серьезное замечание состояло в том, что для исследования германского права Н.Д. Иваннишев пользовался "памятниками более древними, чем те, из которых он черпал материалы для исследования законодательства чешского".⁶⁶⁾ Этот упрек в антиисторизме совершенно справедлив.

59) Н.Д. Иваннишев, Древнее право чехов. - ЖМНП, 1840, № 2, отд. 2, с. 99-149; Сочинения Н.Д. Иваннишева, с. 105-148.

60) Сочинения Н.Д. Иваннишева, с. 106.

61) ЖМНП, 1842, № 10, отд. 2, с. 1-18 (с пропусками). В "Сочинениях" (с. 87-101) текст восстановлен по рукописи.

62) Сочинения Н.Д. Иваннишева, с. 88.

63) N. D. I v a n n i š e v, Idea osobnosti podle starých práv českých a skandinávských, ČSM, XVII, 1843, str. 597; XVIII, 1844, str. 128, 349, 389.

64) А.А. Котляревский, Рец. на кн.: Сочинения Н.Д. Иваннишева, Киев 1876. - Киевские университетские известия, 1876, № 6, Прибавления, с. 1-2.

65) А. Кистяковский, Проф. Н.Д. Иваннишев и его сочинения. - Юридический вестник, 1877, июль-август, современный отдел, с. 13-14.

66) А. Кистяковский, Ук. соч., с. 14.

А ведь критики XIX века еще не знали, что Н.Д. Иванишев опирается не только на более поздние, но в значительной мере и на фальсифицированные источники по истории славянского права.

Следует однако подчеркнуть, что работы Н.Д. Иванишева по истории славянского права были первыми в России. При всех их ошибках и недостатках они стояли на уровне европейской науки своего времени, вводили в научный оборот источники, в то время еще мало разработанные. Примененный в них сравнительный метод исследования был сопряжен со многими несовершенствами и использовался для доказательства априорных построений, однако в этом нет ничего удивительного, учитывая зачаточное состояние славяноведения в России. Несомненной заслугой Н.Д. Иванишева является издание множества памятников славянского и русского права. Его работы составляют определенный этап в изучении истории законодательства, что и определяет их историографическое значение.⁶⁷⁾

67) Редакция предупреждает, что определенные места из лекции Иванишевой, которые вызвали возмущение в 1841 г. в Киеве, очевидно, заключались в дословном цитировании или, по всей вероятности, в изложении известных жестокостей находящихся в Декретах Вретислава, описанных в хронике Козьмы Пражского.